

7. Инфантильный.

Ощущение парения... погружения.

Очнувшись, он почувствовал себя плавающим в воде. Бесконечно погружающимся в глубину.

Дна не было.

Он ощущал тяжесть. Огромную, но вместе с тем неосязаемую тяжесть. А потом, вдруг... невесомость.

А. Плохо дело... – подумал он. А? Что это? Что... происходит? Как... темно.

Ничего не вижу. А ещё... не могу пошевелиться.

Или могу?

Нет, вроде бы получается пошевелить руками и ногами. Но, кажется... тут тесно.

Я спал? Я где-то лежу?

Нет.

Но, разумеется, и не стою.

Тело лежит под углом, голова ниже ног. Словно... я где-то застрял? Вроде того?

Кажется, позвать на помощь будет плохой идеей.

Почему?

Враги.

Точно. Я не смогу защититься, если меня здесь найдут враги. Но кто мои враги?

Кто они?

...Что это было?

Я...

Что я делал?

Вроде ничего особенного.

Принял душ, высушил волосы и сел смотреть телик. Потом сеструха с чем-то пристала, я огрызнулся.

Ушёл к себе, валялся, копался в телефоне. Мне позвонил Юкки, жаловался, что ему не выкрутиться.

Да нормально всё, образуется, – ответил я тогда.

Сеструха опять принялась мне что-то выговаривать. «Да хватит, ты мне что, мать» сказал я, а

она тогда «Потому и говорю, что мамы нет».

А я что, просил? Я тебя вообще ни о чем не просил. Мне от тебя ничего не надо.

- Перестань. - буркнул я.

- Что? Надоело?

- Ну, да, надоело.

- Тогда возьми уже себя в руки!

- Со мной всё нормально.

- В каком месте?

- Во всех?

- Знаешь, я смотреть на это не могу. Такой здоровенный и так раскисаешь.

- Ничего я не раскисаю.

- Да конечно.

- Задолбала. Почему-то только тебе такое кажется!

- Следи-ка за языком.

- Да, да.

- Нет, до чего же ты меня всё-таки бесишь.

- Ты не устала беситься из-за каждого пустяка?

- А ты что, не видишь? Конечно устала. У меня сил уже на тебя нет.

- Ну так оставь меня в покое.

- Не могу, ты и сам это знаешь.

- Нет, я серьёзно. Со мной всё нормально.

- Сказал парень, который даже еду себе нормально приготовить не может.

- Но я же питаюсь, иначе не вырос бы таким высоким.

- Да уж, - пробормотала она.

Моя старшая сестра совсем маленького роста - и не просто по сравнению со мной. В ней меньше даже чем метр шестьдесят (наверное, метр пятьдесят пять), так что, по-моему, она маленькая даже для женщины. Когда мы стоим друг перед другом, вот как сейчас, ей приходится запрокидывать голову, чтобы смотреть мне в лицо.

Впрочем, сеструха не просто низкого роста - она вся как маленькая зверушка. Эти её тёмные и огромные, несмотря на небольшую голову, глаза, её маленький рот. Её волосы, которые она то

отрачивает подлиннее, то подстригает коротко. То, с какой лёгкостью у неё меняется настроение. То, какая она, при своей миниатюрности, полноватая.

Да, она моя старшая сестра и не может быть никем иным, но по виду этого совсем не скажешь. Возможно раньше это было не так, но если кто-то увидит нас с сеструхой вместе сейчас, то вряд ли догадается, что мы – брат и сестра. Не то чтобы это имело хоть какое-то значение, но мы совершенно непохожи на родственников.

- Ты так вырос, – сказала сеструха.

- Чего это тебя в сентиментальность потянуло?

- Ну, мама ведь была высокой. Потому я всегда ждала, что и ты тоже вымахает. Знаешь ведь, как говорят – если мать высокая, то и сын вырастет высоким.

- А-а. Ну да, говорят. Тётя Яцко мне это постоянно твердит.

- Но вот что ты станешь настолько большим я не ожидала.

- Ну, это же не я решил таким вырасти. Наоборот, постоянно пытался убедить своё тело остановиться. Пока в тебе нет ста восьмидесяти двух сантиметров, всё нормально, но чуть больше – и начнёшь биться головой обо всё подряд в этой стране.

- Сто восемьдесят два? Откуда такая точность?

- Просто один мой друг всегда говорит, что все кто ростом 183 сантиметра постоянно ходят с ушибленной головой. А у тех, в ком 182, уже нет никаких проблем.

- У тебя такие высоченные друзья.

- Ну, я же играл в баскетбол, так что знаю многих рослых, но невысокие среди моих друзей тоже есть.

- Уходишь? – спросила она.

- Ага.

- Бездельник.

Сеструха, когда злится, всегда так смешно надувает щёки – как маленькая. Это ещё одна её черта, полностью выпадающая из образа старшей сестры. Но эта старшая сестра, совершенно непохожая на старшую сестру, устроилась работать в солидную фирму, усердно работает и много зарабатывает. Дома она всегда ходит в шортах и футболке, но на работу надевает деловой костюм. И собирает волосы в строгую причёску.

Я ухватил сеструхину щеку и потянул.

- Эй! – воскликнула она, отбрасывая мою руку, – Перестань!

- Да, да.

- Надоед!

- Ну ладно, я ушёл. Ложись лучше спать.

- Ну конечно лягу, - огрызнулась она, - Мне-то завтра на работу.

- Надеюсь на твой усердный труд.

- Бесишь!

Я вышел из квартиры и закрыл за собой дверь. В коридоре нашего многоквартирного дома стояла мёртвая тишина. Самый неприятный для меня вид тишины, такой, при которой кажется, что уши будто бы заткнуло плотной ватой.

Перед тем как умерла мама, я целыми днями не уходил из больницы. Мне говорили, что оставаться на ночь это против правил или что-то типа этого, но я просто ложился в коридоре или на кушетку в приёмной, и ни одна из дежуривших по ночам медсестёр не возражала. Иногда они даже говорили со мной. В больнице, очевидно, даже ночью оставались люди, но, если только что-то не происходило, там стояла странная, невыносимая тишина.

Стоило бы пойти домой, но я чувствовал себя обязанным остаться, словно это был мой долг. Мне казалось, что мама умрёт, если я уйду. Не было никаких рациональных причин в это верить - просто ощущение.

И в то же время я не хотел присутствовать при смертном одре матери. Мне было неприятно смотреть, как она угасает. Я знал, что рано или поздно она умрёт, но не готов был это принять. Печали я уже давно не чувствовал.

Ведь мама не просто заболела; до того она уже несколько раз переносила операции против рака. В детстве я каждый раз плакал, когда она ложилась в больницу, но это осталось в прошлом.

Я ненавидел больницу, но что-то не позволяло мне уйти.

Всё время, пока мама лежала в больнице, сестра ходила в школу.

Когда в конце концов матери стало совсем плохо, медсестра сказала, что я должен вызвать отца и сестру. Я позвонил им, но они не ответили. Тогда я позвонил на работу отцу и в школу сестре. Сестра ответила сразу, а отец по телефону сказал, что задержится.

Что ж, сейчас полдень, - спокойно подумал я. - Вряд ли он у любовницы. Наверное, занят на работе.

У отца была любовница столько, сколько я себя помню. Я знал это, и сестра знала, и мама знала тоже.

- Как ты мог оставить мать вот так и найти другую женщину? - спросил я его однажды.

- Вряд ли ты поймёшь, - просто ответил отец, вместо того чтобы выругать меня, - Да я и не ожидаю этого. Но иначе я не смог бы сохранять душевное равновесие.

В итоге отец всё же успел, но мама потеряла сознание задолго до того, как остановилось её сердце, так что особой разницы не было. Сестра рыдала как дитя, в глазах отца тоже стояли слёзы.

Я плакать не мог.

Этот тихий коридор, в котором я стою сейчас, напомнил мне то, что я пережил тогда. Если

одним словом – тоску. Мне было неприятно находиться там, и единственным моим желанием было, просто чтобы всё это поскорее закончилось.

Я быстро прошагал по коридору и вызвал лифт. В лифте проверил телефон, а потом...

А что потом?..

– А?..

Что это было?

Его что-то тревожило.

Нет, его ничего не тревожит. Только что здесь что-то было. Оно должно было остаться, но теперь его нет. Исчезло.

– Сеструха... Я... Стоп, что?

Сеструха.

Он только что сказал "сеструха"? Если да, то, наверное, речь о сестре. О старшей сестре.

У него была старшая сестра? Он смутно ощущал, что был не единственным ребёнком в семье. Но, задумавшись, он понял, что не знает, был ли у него старший брат или же старшая сестра. Вспомнить, разумеется, не удавалось.

У него была старшая сестра? Та, которую он называл «сеструха».

– Мне это словно причудилось... – пробормотал Кузак.

Как бы то ни было, одно ему известно точно. Сеструха там или кто, но здесь нет даже товарищей. Он один.

А ещё он не знает, где это «здесь». Как он оказался один в этом тёмном, тесном месте?

Думай, скомандовал он себе. Если не удастся вспомнить даже это, то дела плохи.

Голова болит. При малейшем движении в висках начинает пульсировать боль. И не только голова, шея тоже. Шлем по-прежнему на голове. Он не снимал его.

Он бежал.

Точно. Мы убегали от Форган.

Что произошло?

Неизвестно. Он очнулся и обнаружил себя в таком положении.

Как бы то ни было, нужно выбираться.

Выбираться из этого места.

А получится ли? Как выбираться?

Сначала... Да, первым делом... ситуация. Необходимо оценить ситуацию. Харухиро всегда так

говорит.

Вокруг темно, а значит, придётся ориентироваться на ощупь. Кузак попытался – и тут его ударило осознание.

У него пустые руки.

Ни меча, ни щита.

– Серьёзно?..

Всё очень плохо. Ему захотелось позвать на помощь, захотелось, чтобы кто-нибудь спас его. Но этого не будет. Никто не поможет. Он один.

Он уже был один – тогда, когда погибла его первая команда. Но это было в Ортане, среди людей. Кроме того, он тогда искал Харухиро. Он хотел, чтобы кто-то спас его. Но у кого искать помощи теперь?

На этот раз всё иначе. Здесь никого нет.

Скорее всего, прошло уже довольно много времени. Может быть Харухиро и остальные ищут его, просто пока ещё не смогли найти.

Если оставаться здесь, то рано или поздно его найдут. Но нет, пожалуй, рассчитывать на это значит проявлять чрезмерный оптимизм.

Запах землистый, но вокруг, кажется, не мягкая почва. Левая рука касается чего-то влажного.

Правая рука касается сухой поверхности – скорее, неровной стены чем крутого обрыва. Слева откос поднимается под довольно высоким углом, но не кажется непреодолимым... вроде. Не попытавшись, не узнать.

Попробую, решил он. Иного выхода нет.

Первым делом он развернулся в тесной яме головой вперёд. Затем медленно начал карабкаться вверх по склону.

Несколько раз он был готов сдаться. Каждые несколько минут, нет, каждые десять секунд в голове принимались роиться мысли – «Я так больше не могу. Не хочу, всё кончено, хватит, плевать, я умру, убейте меня кто-нибудь», но что с того?

Увы, здесь его никто не спасёт, никто не поможет. Отчаяние и бессилие лишь опустошат его. Вот бы кто-то утешил его, унял его слёзы – но это попросту невозможно, так что у Кузака не было сил плакать.

Он не ощущал в себе силы выбираться. Ему лишь хотелось сбежать от сложностей, от боли, одиночества, неопределённости и страха. Он хотел освободиться.

Он понял – выход уже рядом. Воздух изменился. Сверху тянуло влагой и прохладой.

Выкарабкавшись, он перекатился на спину и какое-то время безучастно смотрел вверх.

– Постойте... я ведь жив, да?..

Высоко в небе мерцали бесчисленные звёзды.

Воздух был такой ясный что, казалось, до небосвода можно дотянуться рукой – но звёзды, такие близкие на вид, совершенно не давали света.

Темнота.

Окружавшая Кузак бескрайняя темнота давила. Удушала. Впрочем, удушье было мнимым; на самом деле дыханию ничто не мешало. Всё тело болело, но, по крайней мере, он жив.

Кузак сел и попытался снять шлем. Шея болела при каждом повороте головы, но ни тошноты, ни головокружения он не чувствовал. Без шлема стало гораздо легче, так что Кузак решил нести его подмышкой.

Он встал и попытался сделать шаг. Деревьев вокруг не было. Похоже, он на открытом пространстве. Поляна, более-менее ровная и поросшая невысокой травой.

Видимо, Кузак провалился в расселину и потерял сознание. Шагать нужно осторожно – будет неприятно упасть в ещё одну.

Где он находится? Неизвестно. Кузак не имел ни малейшего понятия. И даже оружие, которое можно было бы использовать для самозащиты, он потерял. Положение сложно назвать как-то иначе, чем ужасным.

– Что теперь?..

Ответить некому. Придётся думать и действовать самому.

– Ну, я справлюсь... Хотелось бы верить, но что-то не выходит.

И всё же Кузак пошёл вперёд. Из темноты до него доносился стрёкот насекомых и голоса птиц. Не та тишина, которую он, сам не зная почему, не выносил – такая, при которой кажется, что уши будто бы заткнуло плотной ватой.

В этой темноте не настолько тихо. Уже этим здесь намного лучше, чем в той яме.

<http://tl.rulate.ru/book/94792/3228759>